

Маленький самолет разорвал серые грозовые облака, и Грегуар заметил вдали крыши Герэ. Как только шасси коснулись посадочной полосы, молния расколола небо, словно фарфор, заставив молодого человека вздрогнуть.

Стояло жаркое лето, самая середина июля. Каждый раз, возвращаясь домой, в Крез, Грегуар волновался, зная, что ему предстоит встреча с отцом, который будет его ждать, по-праздничному одетый и немного смущенный, в обществе редких туристов, бизнесменов и чиновников, прибывших в основном из Парижа и соблаговоливших появиться в этом скромном провинциальном аэропорту.

Когда стюардесса объявила начало посадки, Грегуар поспешил снять галстук. Молодой человек прибыл сегодня из Лондона рано утром, сразу же прыгнул в такси, идущее в аэропорт Орли, поэтому у него совсем не было времени переодеться. Грегуару было от силы лет тридцать; он был похож на этих бизнесменов из лондонского Сити, которые, казалось, появлялись на свет уже в костюме-тройке, мрачные, строгие и с такой осанкой, словно проглотили зонтик. Чтобы не шокировать отца, молодой человек решил снять свой шелковый галстук. Это было единственной уступкой пожилому крестьянину, выезд которого за пределы фермы ограничивался обязательным визитом к врачу и воскресной поездкой на ярмарку в Гудзон для поиска подержанных машин или

бесконечного обсуждения снижения цен на ячмень для пивоварен.

Долгие годы многие поколения семьи Батай возделывали землю, испытывая при этом такое ощущение, будто не они используют землю, а земля их. Из года в год, трудом и терпением добились они того, что исходные восемь гектаров каменистой земли, пригодной лишь для выпаса тощих коров, разрослись до сотни, а это много значило для региона, где все подчинялось правилам минимализма.

Род Грегуара долгое время жил ремеслом. Одни предки были мастерами шпалер в Обюссоне. Другие принадлежали к тем выносливым и ловким каменщикам Креза, которые строили подземные переходы и туннели, замки сеньоров древней провинции Марш и даже некоторые прекрасные здания Парижа.

Но начиная с семидесятых годов XIX века один представитель рода Батай приобрел несколько гектаров земли и обосновался неподалеку от Герэ. С тех пор эти люди сражались своими острыми, словно разбитое стекло, ногтями с каменистым полем, с плугом и коровами, с трескучими морозами и летней духотой этого региона Франции.

Грегуар чувствовал это родство и, вспоминая о нем, ощущал легкий холодок в груди. Глядя в иллюминатор, молодой человек вспоминал о прошлом. На этой земле он вырос и любил ее, как любят сожаление. Но он покинул этот край, избрав профессию, связанную с деньгами, финансами, международными сделками, которые заключаются там, где даже издали не видно ни тени пшеничного колоска, ни коровы, невозмутимо шагающей в свой хлеб.

После смерти матери, в двенадцать лет, Грегуара отдали в интернат в Лиможе, поскольку все решили, что отец не сможет заниматься этим мальчишкой, постоянно погруженным в книги и бледным, словно цветок вишни весной. Его трое братьев пошли в отца, коренастые и молчаливые, как все Батаи. Они считали разговоры пустой тратой времени — ведь в поле столько работы!

Люсьен, старший, помогал отцу с девяти лет — ему было двадцать, когда умерла мать. Дану, второй сын, закончил аграрный лицей, и именно он занялся разведением коров в хозяйстве. Производство молока было очень выгодным делом. В восьмидесятые годы цены на него так выросли, что ферма семьи Батай начала процветать. Жиль, третий сын, перестроил и обновил несколько зданий на ферме и занимался хозяйством со своей женой Луизой, португалкой из Лиссабона.

Отец семейства Батай втайне надеялся, что Грегуар примет активное участие в управлении имением, опираясь на свои знания, полученные в университете Лиможа, а затем и Парижа, в которых, благодаря своей скорости счета и логическому мышлению, считался одним из лучших студентов. Грегуар же мечтал о другом, и ферма отца в его планах не фигурировала. Поэтому, когда он получил свою первую работу в «Rating & Business», вся семья восприняла его решение как предательство. Прошло уже два года, но его выбор осуждался до сих пор при каждом удобном случае — не словами, ведь, как уже было сказано, Батаи молчали, — а взглядами, которые не нуждались в комментариях.

Как и обычно, в небольшом зале ожидания аэропорта отец стоял в стороне, показывая этим свое нежелание быть причастным к миру путешествующих. Его ноги крепко стояли на земле, на настиле для коров, как говорил он сам своим тягучим голосом, и только за огромные деньги он согласился бы сесть в одну из этих «летающих машин», которая однажды забрала у него сына.

— Ты надолго? — спросил он, обнимая свое дитя.

Грегуар Батай ощутил свежевыбритую щеку отца и почувствовал смешанный с запахом полей и ульев аромат туалетной воды, не менявшейся после смерти матери.

— Спорим, мое пребывание тебе не покажется долгим? — ответил Грегуар, в свою очередь крепко обнимая старого крестьянина.

Увидев небольшой багаж сына, состоящий из портфеля и маленькой матерчатой сумки, отец догадался, что он приехал ненадолго, и лицо старика стало хмурым.

— Дело в том, что мы с твоими братьями хотели тебе кое-что показать, — сказал Батай-старший.

— Я останусь на два дня. В субботу меня ждут в Лондоне. Я оставил ваш номер телефона на случай, если буду нужен в офисе.

Машина тронулась. Крестьянин ничего не ответил. На бирке багажа сына он прочитал: «Грег Батай». Он подумал о том странном мире, где такое красивое имя, как Грегуар, становилось Грег. Эта мания сокращать имена раздражала его — как, впрочем, и всё, что приходило из городской жизни и чему нужно было или поклоняться, или хотя бы безоговорочно принимать.

Молодой человек открыл окно, чтобы впустить запахи цветов и горьковатый аромат рапса, который покрыл поля золотом. Он наслаждался зрелищем молча, впрочем, никто и не произнес ни слова до самого Мутье, где за каштанами возвышалась ферма семьи Батай.

Месяц назад Грегуар разговаривал со своим братом Люсьеном по телефону о кредитах. Тот обронил фразу, что очень хотел бы видеть брата в Крезе, так как ему есть что показать. Голос Люсьена был таинственным, а речь полна недомолвок, как у большинства жителей деревни, которые остерегаются телефонных разговоров, предпочитая разговаривать с собеседником с глазу на глаз. Грегуар чувствовал, что дело не терпит отлагательства, но никак не мог освободиться раньше. На утро пятницы была назначена одна важная деловая встреча на поле для гольфа в Сен-Ном-ла-Бретеш под Парижем, поэтому он выехал из Лондона раньше, чтобы провести два дня на ферме.

Увидев въезжающую во двор машину, собака по привычке залаяла, а затем спряталась в будке с сердитым видом — как существо, которое зря побеспокоили. На встречу Грегуару вышли братья: сначала Люсьен, затем Дану. Они разогрели картофельный пирог, от которого молодой человек не смог отказаться.

Глядя на лица мужчин, Грегуар испытывал радость, смешанную с огорчением. Эти двое жили вместе вот уже сорок лет, и ни одна девушка не заставила биться их серд-

ца быстрее. Согласно местным обычаям, они не особо жаловались на свою холостую жизнь и даже находили в ней тысячу преимуществ, например возможность есть или пить в любое время и чувствовать себя свободными как ветер. Грегуар не хотел для себя такой свободы, видя в бороздах полей преграду более надежную, чем тюремная решетка.

У братьев — один был старше Грега на двенадцать, а другой на десять лет — стали седе́ть виски и появляться лысины. Время сделало их еще более похожими друг на друга, чем в детстве, — может, из-за того, что они дышали одним воздухом — таким холодным зимой и таким обжигающим летом.

Светловолосый Грегуар сильно выделялся среди клана Батай. Он весь пошел в мать, городскую девушку, которую однажды на балу соблазнил его отец. Его круглое лицо, лукавый взгляд, светло-зеленые глаза — все это напоминало крестьянину его супругу, а братьям — скончавшуюся мать. Поэтому они всегда смотрели на Грегуара с благоговением и страхом, словно он был оставлен им как память о той, что слишком рано ушла в лучший мир.

— Ты надолго? — спросил старший брат, повторяя вопрос отца в аэропорту.

— Он здесь всего на два дня, — ответил за Грегуара старший крестьянин, и молодой человек почувствовал нотки раздражения в этом «всего на два дня».

— Этого достаточно, — произнес Люсьен, подмигнув младшему брату, словно говоря: «Ты ведь знаешь отца».

В глубине души все Батаи были рады увидеть друг друга. Когда к ним присоединился Жиль без своей жены Луизы, они словно вновь оказались в детстве, как будто ничего и не изменилось с тех пор, кроме кончины матери.

Все решили, что глоток отличной водки послужит прекрасным началом трапезы, которая закончится картофельным пирогом. Когда все основательно подкрепились, Люсьен попросил Грегуара надеть специальный комбинезон и сапоги, а затем повел его в святая святых фермы с очень таинственным видом, и таким медленным шагом, как будто от этого зависела вся их жизнь.